

УДК 821.512.154

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-70-78

Болотбек Мекенович Акматов,
Бишкекский гуманитарный университет
им. К. Карасаева
(г. Бишкек, Республика Кыргызстан),
e-mail: nazik131090@gmail.com

Героический эпос «Манас» и роль Мухтара Ауэзова в его популяризации

В статье описывается вклад Мухтара Омархановича Ауэзова в популяризацию кыргызского героического эпоса «Манас» и публикацию его частей в XX веке. Цель статьи – определить место известной монографии М. О. Ауэзова «Киргизский героический эпос “Манас”» в ряду работ по эпосоведению. Задачи статьи – описать исследование М. О. Ауэзова, посвященное кыргызскому эпосу «Манас» с позиций определения функций манасчи (сказитель, поэт, шаман), и сохранившийся доисламский культ предков у кыргызов; обосновать новаторство М. О. Ауэзова в аспекте кыргызоведения и манасоведения. Актуальность работы состоит в обобщении вклада М. О. Ауэзова в кыргызоведение и манасоведение в связи с новыми тенденциями в области образования в Республике Кыргызстан, вызванными принятием в 2011 году закона «Об эпосе “Манас”». Научная новизна работы заключается в новом подходе к осмыслению трудов М. О. Ауэзова в аспекте теории ментальности, который в литературоведческой практике мало задействован. М. О. Ауэзову принадлежит введение в научный оборот терминов, связанных с исполнителями эпоса, – ырчи, жомокчу. Он первым описал историю кыргызских манасчи – сказителей (от современника Манаса Кельдибека до Сагымбая Орозбакова – современника М. О. Ауэзова). М. О. Ауэзов; обобщил данные о манасчи и выделил их основные функции: сказитель, поэт, шаман. Учёный указал на дошедший до нас доисламский культ предков у кыргызского народа.

Ключевые слова: эпос «Манас», манасчи, доисламская тюркская духовная культура, творчество М. О. Ауэзова, ментальность, миф, культ предков, кыргызская языковая картина мира

Bolotbek M. Akmatov,
Karasaev Bishkek Humanities University
(Bishkek, Republic of Kyrgyzstan),
e-mail: nazik131090@gmail.com

The Heroic Epic of *Manas* and Mukhtar Auevov's Role in Its Popularization

The article describes the contribution of Mukhtar Omarkhanovich Auevov to the popularization of the Kyrgyz heroic epic of *Manas* and the publication of its parts in the twentieth century. The purpose of the article is to determine the place of the famous monograph “The Kyrgyz heroic epic of *Manas*” by M. O. Auevov in a series of works on epic studies. Objectives of the article: to describe M. O. Auevov's research dedicated to the Kyrgyz epic of *Manas* from the standpoint of defining the functions of manaschi (storyteller, poet, shaman) and the preserved pre-Islamic cult of ancestors among the Kyrgyz; to substantiate M. O. Auevov in the aspect of Kyrgyz studies and *Manas* studies. The relevance of the work consists in summarizing the contribution of M. O. Auevov to Kyrgyz and *Manas* Studies in connection with new trends in education in the Republic of Kyrgyzstan, caused by the adoption of the Law “On the *Manas* Epic” in 2011. The scientific novelty of the work lies in a new approach to understanding the works by M. O. Auevov in the aspect of theory of mentality, that is practically not involved in literary practice. M. O. Auevov introduced into scientific circulation the terms associated with the performers of the epic, ырчи and жомокчи. He was the first to describe the history of Kyrgyz manaschi – storytellers: from a contemporary of *Manas* Keldibek to Sagymbay Orozbekov, a contemporary of M. O. Auevov. *Manas* himself chooses those who will perform the epic dedicated to him. The text of the epic keeps the spirit of the people, i. e. the heroic epic of *Manas* contains the spiritual basis of Kyrgyz culture, its mentality. M. O. Auevov summarized the data on manaschi and outlined their main functions: a storyteller, a poet, a shaman. The scientist pointed to the pre-Islamic cult of ancestors that has come down to us among the Kyrgyz people.

Keywords: the epic of *Manas*, manaschi, pre-Islamic Turkic spiritual culture, works by M. O. Auevov, mentality, myth, cult of ancestors, the Kyrgyz language picture of the world

Введение. В истории разных народов есть имена, которые сохраняются в памяти народа целые века. Имя Мухтара Омархановича Ауэзова (Мұхтар Омарханұлы Әуезов) относится к такому явлению в истории народов Средней Азии. Имя этого писателя

знаменует целую эпоху в истории развития тюркской духовной культуры, как казахской, так кыргызской и узбекской [4; 24; 25].

Методология и методы исследования. Основными методами исследования являются описательный, интерпретативный

© Акматов Б. М., 2020

и аналитический. Методология изучения вопроса опирается на теорию ментальности.

Духовная сторона культуры в современных исследованиях рассматривается с позиций теории ментальности, появившейся в XX веке. Эта теория применяется как среди политиков, так и обществоведов, культурологов, психологов, лингвистов. Фольклористы только начинают обращаться к этой теории, хотя именно она наиболее ярко отображает суть устного народного творчества. По определению В. В. Колесова, «ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры. <...> Ментальные архетипы складывались исторически, по определённым, генетически важным принципам, которые и следует описать» [14, с. 15].

Термин *ментальность* иноязычный. «Для этого слова чрезвычайно сложно подобрать эквиваленты в других языках: ментальность – это особое свойство того, что называется *духовностью* народа» [17, с. 13]. Ментальность означает «концептуализацию и категоризацию материальной культуры народа, к которой относятся предметы быта, с другой стороны – духовной культуры народа (уклад жизни и религия, язык, классическая литература), то есть проявления материальной и нематериальной культуры. Ментальность и культура народа – неразрывные понятия» [17, с. 13].

М. О. Ауэзова помнят благодаря многим его литературным трудам. Одной из самых важных для исторического прошлого тюркских народов является его монография, посвящённая кыргызскому эпосу «Манас». Совершившему научный подвиг писателю в Бишкеке воздвигнут памятник.

Результаты исследования и их об- суждение. Мухтар Омарханович Ауэзов обратился к эпосу «Манас» в 20-е годы XX века. До него отрывки этого эпоса были записаны в разное время Ч. Ч. Валихановым и В. В. Радловым. М. О. Ауэзову были известны только записи В. В. Радлова, как видно из его рукописи, дошедшей до наших времён [3].

Ч. Ч. Валиханов (1835–1865) был российским офицером, изучавшим историю

и культуру кыргызов. В 1856 году во время военно-научной экспедиции на озеро Иссык-Куль под руководством полковника М. М. Хоментовского им был записан отрывок из эпоса «Манас» (в частности, крупный эпизод, вошедший в эпос под названием «Поминки по Кокетею») от неизвестного манасчи – сказителя эпоса. Во всех своих последующих трудах Ч. Ч. Валиханов, описывая язык, культуру, традиции кыргызов, обращается к записанным им отрывкам из эпоса «Манас» [8].

Эпос «Манас» был опубликован в 1885 году благодаря тюркологу В. В. Радлову (5 января 1837 – 12 мая 1918) – выходцу из Германии, закончившему Берлинский университет, работавшему в России с 1858 года. Василий Васильевич Радлов¹ отправлялся в Кыргызстан дважды – в 1862 году он был на Текесе у бугинцев, в 1869 году – на озере Иссык-Куль и на юго-востоке от города Токмок (точное местопребывание его неизвестно). Цель этих экспедиций заключалась в сборе лингвистических, этнографических и фольклорных сведений о тюркских народах Алтая и Западной Сибири. Имя В. В. Радлова вошло в историю кыргызоведения как научного деятеля, начавшего восстанавливать историческую память доисламского прошлого кыргызов и других тюркских народов, включая забытую к тому времени письменную культуру.

Записанный им кыргызский фольклор В. В. Радлов разделил на четыре части: 1) эпос «Манас»; 2) сказание «Жолой хан»; 3) сказание «Эр Тоштюк»; 4) причитания (кошоктор). Это было условное разделение зафиксированных фольклорных памятников. В. В. Радлов по этому поводу заметил: «Эпические песни приведены мною под тремя заглавиями: Манас, Жолой и Тоштюк, но не нужно думать, что это три отдельных эпоса» [19, с. 33].

Эпос «Манас» в редакции В. В. Радлова был издан в Санкт-Петербурге в 1885 году на кыргызском языке в русской транскрипции. В

¹ Перу В. В. Радлова принадлежат работы по кыргызоведению и тюркологии («Образцы народной литературы тюркских племён», «Из Сибири», «Опыт словаря тюркских наречий»). За время своих путешествий 1861–1862 и 1868–1869 годов он побывал в Северном Кыргызстане и Юго-Восточном Казахстане. В. В. Радлов известен как популяризатор работ Жусупа Баласагына, благодаря ему был опубликован труд «Кутадгу билиг» XI века. В. В. Радлову принадлежит дешифровка 14 букв орхоно-енисейской письменности: эта работа шла параллельно с работой датского языковеда Вильгельма Людвиг Петера Томсена (Vilhelm Ludwig Peter Thomsen). В. Л. П. Томсену удалось первому расшифровать орхонские надписи в ноябре 1893 года.

этом же году был опубликован немецкий перевод, изданный в Лейпциге. Эпос не имел в то время законченного вида. Выход из печати эпоса «Манас» в записи В. В. Радлова почти на 20 лет опередил русскоязычный перевод, сделанный по записи Ч. Ч. Валиханова, увидевшей свет только в 1904 году [9].

Мухтар Омарханович Ауэзов (1897–1961) обращается к записи «Манаса», сделанного сначала Каюмом Мифтаховым, а потом и Ибрагимом Абдрахмановым, который почти пять лет работал с манасчи Сагымбаем Оразбаковым (с 1922 по 1926)¹. Работа М. О. Ауэзовым велась по поручению Туркестанской научной комиссии, а впоследствии по поручению Наркомпроса Киргизской АССР.

Рукопись, с которой работал М. О. Ауэзов, впечатляет своим объемом: 10 тетрадей по 500 страниц. На каждой странице было примерно 12 четверостиший. Всего в записи насчитывается почти 60 000 строф.

Первая часть рукописи посвящена Манасу (примерно 60 000 строф, 240 000 стихов). Именно эта часть была записана со слов Сагымбая Орозбакова. Вторая часть (примерно 500 страниц текста) описывает сына Манаса – Семетея. Эта часть была записана в 1929 году со слов манасчи Жакшылыка Сарыкова (1880–1934). В третьей часть вошел текст о Сейтеке – сыне Манаса (примерно 500 страниц). Работа по её фиксации шла с 1932 по 1937 год. Источником текста был Саякбай Каралаев. Объем текста третьей части составил 83 830 стихотворных строк. Запись второй и третьей частей М. О. Ауэзовым практически не использовалась.

М. О. Ауэзов пишет введение к первой части – той, что относится к самому Манасу. Он называет сказание «киргизской героиче-

ской эпопеей», «океаном поэзии», «поскольку на всем протяжении мерная речь ни разу не обрывается прозаическим повествованием» [3, с. 2]. Высокая оценка героического эпоса сподвигла Мухтара Омархановича на долгий и плодотворный труд.

Историко-литературным фактом является то, что в самом эпосе «Манас» ни разу не говорится о манасчи – сказителях, донесших до нас этот шедевр народного творчества. Нет сведений, как слагался этот эпос, когда он появился, кто был инициатором его создания. Сагымбай Орозбаков во втором томе, правда, упоминает дружинника Жайсан-ырчи, который:

Жалан уйдун борымын,
Жарым кундей ырдаган
(Одно украшение юрты воспевал полдня).

Имя Жайсан по-казахски означает «богатство, обилие, величие». М. О. Ауэзов предполагает, что это могло быть нарицательное имя сказителя, помнившего большой объем текста о Манасе. Это единственное упоминание о сказителе-поэте, скорее всего, современнике Манаса. Если в различных национальных традициях встречаются имена сказителей (Боян в «Слове о полку Игореве», Асан-Кайгы у казахов, Кокыт – **Коркут** в тюркском эпосе), то у кыргызов традиция иная: «Здесь, наоборот, каждый певец как будто бы сознательно замалчивает вопросы творческой истории исполняемой им песни» [3, с. 4]. Эпический жанр не предполагает автора – таков закон этого жанра. М. О. Ауэзов отмечает: «Эпическая песня, устный сказ всегда ведется от анонимного рассказчика» [Там же].

Т. А. Бакчиев полагает, что *ислам* кыргызы приняли поздно – в XVI–XVII веках. По мнению ученого, кыргызов сложно назвать истинными приверженцами ислама, так как в их духовном пространстве наблюдаются древнейшие религиозные культы Тенгир; матери Умай; природы; умерших и предков, а также реликты тотемистических представлений [7, с. 59].

У кыргызов существует вера в духов: духи – это и умершие, и предки. Считалось, что у манасчи бывает наитие от духов-предков. Манасчи исполняет сказание от наития. Это объясняет возникновение нескольких вариантов эпоса. М. О. Ауэзов считал: «В среде киргизских жомокчу существовала внушенная даже и массам слушателей вера в наитие (дарыган). Поэтому настоящие исполнители “Манаса” свой вариант выдавали как от начала и до конца

¹ В 1922 году учитель сельской школы К. Мифтаков (1882–1949) стал инициатором записи кыргызского фольклора. В советское время именно его записи эпоса «Манас» были первыми. Позже эту работу продолжил его ученик И. Абдрахманов (1888–1967). Вариант трилогии «Манас», им зафиксированный, состоит из 180 000 стихотворных строк. И. Абдрахманов был активным участником записи вариантов других манасчи – Акмата Ырысмендеева (1891–1966), Тоголока Молдо (Байымбета Абдрахманова) (1860–1942), Саякбая Каралаева (1894–1971). Ни К. Мифтакову, ни И. Абдрахманову не было оказано государственной поддержки в этой культурно-просветительской деятельности из-за того, что в текстах содержались религиозные и мифологические элементы, чуждые советской идеологии. Перед началом Великой Отечественной войны были записаны варианты «Манаса» таких сказителей, как Жаныбай Кожеков (1869–1942), Багыш Сазанов (1878–1958), Шапак Ырысмендеев (1863–1956), Актан Тыныбеков (1888–1951) и др.

внушенный ему свыше. <...> Неимоверный объём “Манаса” способствовал распространению и укреплению этой веры и в среде слушателей» [3, с. 5].

Как становились манасчи, М. О. Ауэзов рассказывает на примере Тыныбека – предшественника Сагымбая Орозбакова. Тыныбек был аульным старшиной. Он отправился в Каракол (в советское время г. Пржевальск), чтобы заплатить покибитный налог. На обратной дороге он остановился в урочище Тосор на ночлег. Во сне он видел, как к этому месту подъехала группа всадников – это был Манас на светло-саврасом коне со своими соратниками – Кырк-Чоро. Спешившись, всадники решили отдохнуть, подкрепиться. По приказу Манаса его спутники накормили мёдом Тыныбека, который ранее мёд не пробовал никогда. Тыныбек пытался приблизиться к всадникам, но они снялись с места и стали быстро удаляться. Тыныбек бросился за ними, но так и не догнал. Во время своей погони Тыныбек начал петь о Манасе. Проснувшись, обновлённый Тыныбек обнаружил, что знает много песен о Манасе: всю дорогу до дома он пел, он пел целый день и целую ночь. Так в него вселился «дивный дар песнопения» [Там же, с. 14].

Здесь мы замечаем параллели со сравнительной мифологией и символикой разных народов. Мёд поэзии обрёл Один взамен своих жертв в скандинавском эпосе. Нектар Парнаса Древней Греции, который пил Аполлон, тоже напоминает нам о мёде. *Сладкозвучие песен* манасчи содержит в себе метафору мёда. Воссоздание кыргызской языковой картины мира в метафорах, образах и символах прошлых веков – предстоящая задача филологов.

Сюжет освоения эпоса «Манас» чётко прослеживается в ряде версий. Миф о чудесном даре поддерживает версию сна, застигнутого будущего манасчи в грозном ущелье – прибежище духов, в чужой юрте, около мавзолея Манаса, где оказывается путник – будущий манасчи. Есть и иные случаи: путник почувствовал себя больным и упал с коня без сознания. О Сагымбае известно, что он, заболев оспой, в бреду увидел Манаса [18, с. 49]. Сагымбай, «сидя в кругу мирно беседующих людей, иногда вдруг начинал галлюцинировать, говоря, что он видит перед собой Манаса и его спутников» [20, с. 93–94]. К. Рахматуллин относит наитие манасчи к «пассивному виду избранничества» [Там же, с. 95–96].

Многие учёные обращались к теме заучивания больших текстов сказителями, пытаясь объяснить факт уникальной способности запоминания таких объёмов. Б. Н. Путилов объясняет это явление фактом «вживания в эпос» [18, с. 44]. К. Рахматуллин по этому поводу замечает, что до исполнения эпоса «Манас» «сказитель проходил долгий и мучительный путь освоения сюжета эпоса» [20, с. 40]. Определяющим фактором Б. Н. Путилов считает «приобретённое исподволь эпическое знание: певец мог пропеть эпос потому, что вошёл в его мир и овладел его языком» [18, с. 45].

Другими словами, манасчи были способны проникаться ментальностью своих предков, осваивая их архаический мир через язык, используя этнокультурные факторы. Ментальность народа – это, по сути, то, что В. фон Гумбольдт называл «духом народа». Для вхождения в народную культуру было необходимо, чтобы дух предков стал частью манасчи – медиатора между ушедшими в другой мир предками и живущими на земле людьми. «У киргизских сказителей вера в наитие прочно связана с особенной ролью Манаса и его соратников. В сновидениях будущих манасчи эпические герои оживают, сходят с стихов эпоса в повседневный быт и совершают чудо» [Там же, с. 48].

М. О. Ауэзову были известны несколько имён манасчи. В тех вариантах «Манаса», которые воспроизводили три его современника, были общие места. Он пишет: «Хотя общие места в исполнении Сагымбая, Тыныбека и Анылбека устанавливались всегда, всё же каждый из сказителей “Манаса” утверждал, что его вариант самостоятельный, что ему диктуется так свыше» [3, с. 6].

Среди других имён манасчи М. О. Ауэзов упоминает Кельдибека из рода Асык (он родился в 50-е годы XVIII столетия). Народная память не сохранила имён манасчи, живших до Кельдибека. «Рассказывают, что исполняли его во времена набегов киргиз-казахского (так написано в рукописи. – Б. А.) хана Аблая. Это событие происходило в 1776 году» [Там же, с. 7].

Духи-предки посещали своих соплеменников во время исполнения эпоса. Духи следили, согласно народным поверьям, за манасчи и правильным исполнением эпоса: «Для нас важен факт веры в сверхъестественное. Она и исключила возможность упоминания имён поэта» [Там же, с. 6].

Духи-предки приходили к манасчи. Мухтар Омарханович описывает это явление

так: «Говорят, что когда пел Кельдибек, то дрожала юрта, в которой он сидел, силой своего пения он потрясал стихи, и на аул неожиданно как будто налетал ураган, и среди этой бушующей стихии наезжали неведомые всадники, и от топота их коней содрогалась земля. Напоминание о всадниках неслучайно. Эти всадники не кто иной, как Кырк-Чоро (сорок соратников). Это намёк на высокое покровительство самого Манаса, который, по верованиям всех жомокчу, сам избирает певцов, являясь к ним во сне и требуя распространения песни о нём среди потомства» [3, с. 8]. Манас доносит свою волю до будущего манасчи во сне, добиваясь исполнения наказа, и избранному манасчи ничего не остаётся, как только подчиниться требованию предка. В ментальности кыргызов закон почитания старших отражает забытый доисламский культ предков.

Ещё одно имя манасчи, дошедшее до нас благодаря М. О. Ауэзову – Балык. Балык жил в первой половине XIX века. М. О. Ауэзов считал Балыка восприемником Кельдибека. Позже сын Балыка – Найманбек подхватил традицию и тоже стал манасчи.

Далее история передачи эпоса «Манас» прерывается на определённый период. «Мы не знаем, какие родственные связи были между остальными киргизскими поэтами, жившими после Балыка, Найманбая, Арыстамбека, Акылбека, Тыныбека, но факт тот, что кое-кто из них – современники Найманбая; остальные люди последующего поколения жили почти все в одно и то же время» [Там же, с. 10]. О Тыныбеке есть некоторые сведения, первое время он исполнял «Манас» в уединении: «Узнав об этом, отец Тыныбека зарезал барана, пригласил стариков и заставил сына петь перед ними, а затем отдал его на выучку известному манасчи Чонбашу, у которого Тыныбек в течение многих лет готовился к роли сказителя» [20, с. 82].

Записи, которыми пользовался М. О. Ауэзов, были сделаны от манасчи Сагымбая Оразбакова. Свой дар он перенял от старшего брата Али-Шера. Как видим, история исполнения эпоса «Манас» практически по тончайшим деталям восстановлена Мухтаром Омархановичем Ауэзовым.

Народы мира имеют *собственные сказания и мифы*. У кыргызов есть своя классификация народных сказителей: жомокчу – аэд; ырчи – рапсод. Ч. Ч. Валиханов пишет: «Поэтические произведения киргиз: эпосы, похвальные оды, плач <...> передаются род в род, из поколения в поколение особым со-

словием певцов ахунов, как в Древней Греции передавались песни Гомера рапсодами; ахуны эти пользуются особым уважением народа...» [9, с. 230]. Как и древнегреческие поэты, кыргызские сказители заучивали какие-то отрывки наизусть, этим объясняются общие места, встречаемые у разных манасчи. Другие отрывки эпоса дополнялись, переделывались, сокращались сказителями из-за настроения или выделенного на воспроизведение эпоса времени. В целом, манасчи сохраняли общую канву повествования – в разных вариантах «Манаса» одинаковые имена персонажей, общие мотивы и сюжеты. «Во всех эпизодах поэмы участвовали одни и те же герои в одних и тех же ролях с приблизительно общей характеристикой их личности и всех их деяний. Поэтому-то и свидетельствуют старики, слушавшие различных жомокчу, что у ранних и у позднейших поэтов они слышали одно и то же» [3, с. 11].

Элиас Лённрот, записавший карело-финский эпос «Калевала», так характеризовал воспроизведение рун: «Певец запоминает сущность содержания, прежде чем её дословный текст. Те места, которые он не помнит дословно, он исполнит своими словами» [15, с. 352].

Известно, что любой эпос заучивается. Об этой практике Б. Н. Путилов отзывался таким образом: «Киргизский певец Джусу Мама начал учить «Манас» с восьми лет под наблюдением отца и старшего брата. Когда он заучивал очередные куски эпопеи, отец и брат проверял его, чтоб было «без ошибок». Мальчик, «кроме еды и сна, ничего не делал, только учил и запоминал» [18, с. 28].

Ырчи – это исполнитель, у рапсода особый статус: «Рапсод является, в сущности, лишь особым видом шамана», его устами поют сами герои, «те или иные духи овладевают сознанием рапсода: в этом сущность его экстаза. Вот почему рапсоду нельзя ничего от себя ни прибавить, ни убавить, ибо за такое своеволие он, по всеобщему убеждению, расплачивался своею душою, так же, как и шаман, неправильно совершивший свое камлание или спутавший текст какого-нибудь призывания или гимна» [2, с. 21].

У кыргызов сказитель был чем-то вроде шамана, «посещал больных, особенно женщин после родов, пел им отдельные эпизоды “Манаса”, и этот ритуал имел целебные свойства» [20, с.80].

В. М. Жирмунский суммирует факты из разных эпических традиций, свидетельствующих о древних связях сказителя и шамана

[13, с. 401–407]. Объединение в прошлом в одном лице двух культурных типов он усматривает в средневековой тюркской легенде о деде Коркуте: «Патриарх племени, прорицатель и шаман, в то же время создатель и хранитель народного эпического предания, Коркут носит яркие следы того древнего синкретического типа народного певца, из которого в дальнейшем дифференцируется профессиональный сказитель богатырского эпоса» [13, с. 404–405].

Опыт сопоставления эпоса «Манас» с эпическими сказаниями других народов указывает на общность функций, которые выполняли сказители-манасчи. «Лингвистические реконструкции, изучение функциональных, психологических, декламационных особенностей поэтического творчества у самых разных народов привело учёных к важным выводам о существовании в древности синкретического образа шамана-поэта-сказителя и об уподоблении их друг другу» [21, с. 36]. Шаманизм – важная составляющая тенгрианства. Тенгрианство сохраняет связь с духами, в том числе с духами-предками. Манас является воплощением такого родового духа.

Тенгрианство кыргызов прямо указывает на родственные связи с тюркскими народами Алтая и Сибири. «Сказители в большей степени, нежели шаманы, были причастны к созданию общеэтнического фонда культуры тюрков Алтая», «сказительская традиция играла видную роль в процессе вхождения инноваций в традиционную культуру алтайцев», «она (в наиболее развитых формах) оказывалась всё более созвучной процессам внутриэтнической консолидации» [22, с. 56]. В самом эпосе «Манас» описывается путь главного героя на Алтай.

Исследование эпоса «Манас» в Республике Кыргызстан претерпело несколько этапов. Первый этап: время Российской империи. В этот период появляются труды Ч. Ч. Валиханова и В. В. Радлова.

Второй этап: советский период. Здесь проводится работа по записи эпоса «Манас», происходит обработка записей. Организуется первая Всесоюзная конференция, темой которой стал эпос «Манас»: она была проведена в Бишкеке в 1935 году. На ней было озвучено три основных доклада: профессором К. Тыныстановом (1901–1938), Е. Д. Поливановым (1891–1937) и М. О. Ауэзовым. К. Тыныстанов представил основные проблемы манасоведения. Е. Д. Поливанов и М. О. Ауэзов предъявили результаты своих

исследований эпоса «Манас», опираясь на работы Ч. Ч. Валиханова и В. В. Радлова.

Четвёртый этап: период китайской революции и налаживания советско-китайских отношений. Через полтора десятка лет после проведения конференции в Бишкеке, посвящённой эпосу «Манас», отношение к нему изменилось. 27 июня 1952 года было принято решение Бюро ЦК Компартии Кыргызстана об изъятии из обращения «антинародных книг»: «Манас» (1941 года издания), «Великий поход» (1946 года издания), «Манас Великодушный» (1948 года издания). А. А. Акаев предполагает, что после революции 1949 года в Китае новое правительство установило с Россией дружеские отношения: «В этой связи упоминания в эпосе о победоносной войне кыргызов с китайцами могли быть восприняты как вызов партийной линии» [1, с. 65].

Пятый этап: современный. XXI век приносит обновление в культуру кыргызского народа. Вновь проводятся научные конференции, посвящённые «Манасу» (Бишкек, 16 декабря 2016). Публикуются статьи [5–7; 11; 23], издаются учебные пособия на разных языках¹, защищаются диссертации [12], переиздаются отдельные отрывки эпоса «Манас» [16]. Наша цель – сохранить эпос «Манас», передать его последующим поколениям, учесть ценности, которые в этом эпосе донесли до нас наши предки.

Заключение. Эпос «Манас» – особый тип богатырского героического текста, который представляет кыргызскую языковую картину мира времён предков. Манасчи, по М. О. Ауэзову, это и певец-исполнитель, и сказитель-шаман, в которого вошёл дух предков, эту способность манасчи в народе называют «дарыган». Проникновение в духовное пространство языка эпоса представляет собой суть медиативной связи сказителя между мирами – миром живых и миром умерших. Манасчи становится и проводником между этими двумя мирами, и хранителем духовной культуры, и правопреемником духовной силы, заключающейся в эпосе «Манас». М. О. Ауэзов ввёл в научный и образовательный процесс Кыргызстана эпос «Манас», в котором объединилось прошлое и настоящее кыргызского народа. Эпос показал богатство духовной культуры

¹ Бакчиев Т. А. Введение в манасоведение: краткий курс лекций / КГТУ им. И. Раззакова. – Бишкек: Текник, 2018. – 104 с.; Укуева Б. К. Манасоведение: учебник для ссузов. – Бишкек: ОшГУ, 2017. – 141 с.; Бакчиев Т. А. Манастаануу: Жогорку окуу жайлары үчүн окуу куралы / Үчүнчү толукталган басылышы. – Бишкек: Улуу Тоолор, 2018. – 192 с.

кыргызов. Благодаря М. О. Ауэзову современный мир познакомился с ещё одним богатырским эпосом.

М. О. Ауэзов первым в манасоведении обратил внимание на нехарактерный для советского периода подход к обучению будущих манасчи, когда в народе бытовала вера в наитие от духов-предков (дарыган), от которых зависел дар сказителя запоминать большие объёмы устного текста и умение их воспроизводить. Ментальность кыргызского народа отображена в тексте эпоса «Манас». Манас – первопредок – защитник и охранитель рода кыргызов, исторический герой, в его честь назван эпос. Пока народ помнит о своём герое – народ остаётся под его покровительством.

Манас сам избирает тех, кто будет исполнять эпос, посвящённый ему. Текст эпоса хранит в себе дух народа, то есть в героическом эпосе «Манас» заключена духовная основа кыргызской культуры, его ментальность.

Смена эпох привела к тому, что эпос «Манас» занял достойное место в кругу других национальных эпосов. Республика Кыргызстан прошла несколько исторических этапов. Такие же исторические этапы пережил вместе со своим народом эпос «Манас». Советский период жизни страны выдвинул на первый план выдающихся деятелей культуры, среди которых достойное

место занимает Мухтар Омарханович Ауэзов, внесший неоценимый вклад в популяризацию и внедрение в научный оборот эпоса «Манас». Усилиями М. О. Ауэзова была издана первая часть трилогии эпоса, описывающая героя кыргызского народа, предка-покровителя богатыря Манаса.

В Республике Кыргызстан внимание к этому эпосу было всегда. Народ на праздниках привык слушать отрывки из «Манаса». Однако политические деятели и научная общественность по-разному относились к культурному достоянию кыргызского народа. Когда вмешиваются идеология и политика, страдает культура.

Переживший века эпос «Манас» дошёл до наших современников в нескольких вариантах. М. О. Ауэзов выдвинул ряд предположений об обоснованности вариативности текста «Манаса», описал историю манасчи – исполнителей эпоса, дал их классификацию, определил истинные функции манасчи (сказитель, поэт, шаман), указал на сохранившийся доисламский культ предков у кыргызов. Новаторский труд М. О. Ауэзова «Киргизский героический эпос “Манас”» представил один из наиболее полных текстов эпоса по варианту сказителя Сагымбая Орозбакова. Вклад М. О. Ауэзова в кыргызоведение и Манасоведение трудно переоценить. Имя Мухтара Омархановича Ауэзова вошло в анналы истории и культуры Кыргызстана.

Список литературы

1. Акаев А. А. История, прошедшая через моё сердце. М.; Бишкек: Дизайн. Информация. Картография: Илим, 2003. 287 с.
2. Аламжи Мерген. Бурятский эпос / под общ. ред. Ю. М. Соколова; стих. пер. И. А. Новикова; введ. ст. и ком. Г. Д. Санжеева. М.; Л.: Академия, 1936. 274 с.
3. Ауэзов М. Киргизский героический эпос «Манас» (по варианту сказителя Сагымбая). Сказители «Манаса» и слушательская среда. URL: <https://manuscript.lib.kg/рукопись/Киргизский-героический-эпос-Манас/> (дата обращения: 08.05.2020). Текст: электронный.
4. Ауэзов М. Мысли разных лет. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1959. 554 с.
5. Бакиров А. А. Эпос «Манас» – бесценная сокровищница исторической памяти кыргызского народа // Эпос «Манас»: история и культура: материалы науч.-практ. конф. (г. Бишкек, 16 декабря 2016 г.). Бишкек: КРСУ, 2017. С. 93–106.
6. Бакиров А. А. Исторические этапы развития эпоса «Манас». Текст: электронный // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2019. № 2. URL: <https://epossvfu.ru/index.php/eros/article/view/225> (дата обращения: 05.05.2020).
7. Бакчиев Б. Т. Роль эпоса «Манас» в современном обществе // Эпос «Манас»: история и культура: материалы науч.-практ. конф. (г. Бишкек, 16 декабря 2016 г.). Бишкек: КРСУ, 2017. С. 78–92.
8. Валиханов Ч. Заметки по истории южносибирских племён // Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата: Казах. ун-т, 1984. Т. 1/2. 432 с.
9. Валиханов Ч. Сочинения. СПб.: Тип. гл. упр. делов, 1904. 624 с.
10. Виноградов В. Киргизская народная музыка. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1958. 334 с.
11. Зулпуев А. З. Об уникальности и природе сказителей эпоса «Манас» в освоении курса «Манасоведение» // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5, № 5. С. 539–542.
12. Зулпуев А. З. Научно-методические основы обучения курсу «Манасоведение» в высших учебных заведениях: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Бишкек, 2020. 46 с.
13. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад // Избранные труды. Л.: Наука, 1979. 493 с.

14. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск: ПГУ, 1995. С. 13–24.
15. Лённрот Э. Калевала: поэма. СПб.: Вита-Нова, 2010. С. 352.
16. «Манас». Великий поход («Чон-Газат»). Начальный отрывок «Великого похода» (начало главы «Заговор семи ханов против Манаса») // Литературный Узбекистан. 1936. Кн. 4. С. 48–53.
17. Пименова М. В. Этногерменевтика русской сказки. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ВИ ЖДВивоСО, 2015. 288 с.
18. Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. М.: Вост. лит. РАН, 1997. 295 с.
19. Радлов В. В. Предисловие // Энциклопедический феномен эпоса «Манас». Бишкек: Мурас, 1995. С. 25–42.
20. Рахматуллин К. Творчество манасчи // «Манас» – героический эпос киргизского народа. Фрунзе: Илим, 1968. С. 75–147.
21. Ревуненкова Е. В. О некоторых истоках поэтического творчества в Индонезии (шаман-певец-сказитель) // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. С. 35–41.
22. Сагалаев А. М. Сказитель и шаман в традиционной культуре алтайцев // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия «История, филология и философия». Новосибирск, 1985. Вып. 2. С. 152–165.
23. Садыков К. Ж. «Манас» и теория этнокультурогенеза // Эпос «Манас»: история и культура: материалы науч.-практ. конф. (г. Бишкек, 16 декабря 2016 г.). Бишкек: КРСУ, 2017. С. 4–13.
24. Мамыров М. Ч. «Манас» эпосунун калыптаныш тарыхы. Бишкек: Бийиктик, 2005. 272 б. (на кыргыз. яз.).
25. Van der Heide N. Spirited Performance: The Manas Epic and Society in Kyrgyzstan. Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2008.

Статья поступила в редакцию 15.05.2020; принята к публикации 22.06.2020

Сведения об авторе

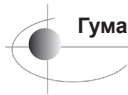
Акматов Болотбек Мекенович, доктор педагогических наук, доцент, Бишкекский гуманитарный университет им. К. Карасаева; 720044, Республика Кыргызстан, г. Бишкек, пр-т Мира, 27; e-mail: nazik131090@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3564-7045>.

Библиографическое описание статьи

Акматов Б. М. Героический эпос «Манас» и Мухтар Ауэзов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 70–78. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-70-78.

References

1. Akaev, A. A. The story that went through my heart. Moscow-Bishkek: CPI Design. Information. Cartography, Ilim, 2003. (In Rus.)
2. Alamzhi, Mergen. Buryat epic / ed. by M. Sokolov. Poetic translation by I. A. Novikova. Introductory article and commentary by G. D. Sanzheeva. Illustrated and designed by V. P. Belyaeva. M.-L.: Academy, 1936. (In Rus.)
3. Auezov, M. The Kirghiz heroic epos of Manas (according to the version of the narrator Sagimbay). Narrators of the Manas and the listening environment. Frunze. Web: 08.05.2020. <https://www.manuscript.lib.kg/manuscript/Kyrgyz-heroic-epic-Manas/> (In Rus.)
4. Auezov, M. Thoughts of different years. Alma-Ata: Kazgoslitizdat, 1959. (In Rus.)
5. Bakirov, A. A. (2017). The epos of Manas is an invaluable treasury of the historical memory of the Kyrgyz people. The epos of Manas: history and culture: materials of a scientific and practical conference (Bishkek, December 16, 2016). Bishkek: KRSU, 2017: 93–106. (In Rus.)
6. Bakirov, A. A. The historical stages of the development of the epic of Manas. Bulletin of the North-East Federal University named after M. K. Ammosov, no. 2, 2019. Web: 05.05.2020. <https://www.epossvfu.ru/index.php/epos/article/view/225>. (In Rus.)
7. Bakchiev, B. T. The role of the epic of Manas in modern society. The epic of Manas: history and culture: materials of a scientific and practical conference (Bishkek, December 16, 2016). Bishkek: KRSU, 2017: 78–92. (In Rus.)
8. Valikhanov, Ch. Notes on the history of South Siberian tribes. Sobr. Op. in 5 vol. T.1/2. Alma-Ata, 1984. (In Rus.)
9. Valikhanov, Ch. Works. SPb., 1904. (In Rus.)
10. Vinogradov, V. Kyrgyz folk music. Frunze: Kyrgyz State Publishing House, 1958. (In Rus.)
11. Zulpuev, A. About the Uniqueness and the Nature of Storytellers Epic of Manas in the Development of the Course Manas-study. Bulletin of Science and Practice, no. 5, pp. 539–542, 2019. (In Rus.)

12. Zulpuev, A. Z. Scientific and methodological foundations of teaching the course “Manasology” in higher educational institutions. Dr. sci. diss. abstr. Bishkek, 2020. (In Rus.)
13. Zhirmunsky, V. M. Comparative Literature: East and West. Selected Works. L: Nauka, 1979. (In Rus.)
14. Kolesov, V. V. Mental characteristics of the Russian word in language and in philosophical intuition. Language and ethnic mentality. Petrozavodsk: PSU, 1995:13–24. (In Rus.)
15. Lönnrot, E. Kalevala. Poem. In 2 books. Vita Nova, 2010. (In Rus.)
16. “Manas” Great campaign (“Chon-Gazat”). The initial passage of the Great Campaign (the beginning of the chapter “The Conspiracy of the Seven Khans Against Manas”). Literary Uzbekistan. Book. 4, pp. 48–53. Reprint: Russian language and literature in schools in Kyrgyzstan, no. 1, pp. 71–73, 2016. (In Rus.)
17. Pimenova, M. V. Ethnohermeneutics of a Russian fairy tale: monograph. Ed. 2nd, rev. and add. St. Petersburg, 2015. (In Rus.)
18. Putilov, B. N. Epic Storytelling: Typology and Ethnicity. M.: Publishing company “Eastern Literature” RAS, 1997. (In Rus.)
19. Radlov, V. V. Preface. Encyclopedic phenomenon of the epos of Manas. Bishkek: Muras, 1995: 25–42. (In Rus.)
20. Rakhmatullin, K. Creativity manaschi. “Manas” – the heroic epic of the Kyrgyz people. Frunze, 1968: 75–147. (In Rus.)
21. Revunenkov, E. V. About some sources of poetic creativity in Indonesia: (shaman – singer – storyteller). Folklore and ethnography: at the ethnographic sources of folklore plots and images. L: 1984: 35–41. (In Rus.)
22. Sagaliev, A. M. Narrator and shaman in the traditional culture of Altai people. Izv. Sib. Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Ser. history, philology and philosophy, issue. 2, pp. 152–165, 1985. (In Rus.)
23. Sadykov, K. Zh. “Manas” and the theory of ethnocultural genesis. Epos “Manas”: history and culture: materials of a scientific and practical conference (Bishkek, December 16, 2016). Bishkek: KRSU, 2017: 4–13. (In Rus.)
24. Mamyrov, M.Ch. “Manas” eposunun kalyptanysh tarykhs. Bishkek: Biyiktik, 2005. (In Kyrgyz)
25. Van der Heide N. Spirited Performance: The Manas Epic and Society in Kyrgyzstan. Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2008. (In Eng.)

Received: May 15, 2020; accepted for publication June 22, 2020

Information about author

Bolotbek M. Akmatov, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Karasaev Bishkek Humanities University; 27 Mira ave., Bishkek, 720044, Republic of Kyrgyzstan; e-mail: nazik131090@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3564-7045>.

Reference to the article

Akmatov B. M. The Heroic Epic of *Manas* and Mukhtar Auezov’s Role in Its Popularization // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 70–78. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-70-78.